

Н.А. Прозорова
N.A. Prozorova

**СЕМАНТИКА БОРОДИНСКОГО ПРОСТРАНСТВА
В ОЧЕРКЕ О.Ф. БЕРГГОЛЬЦ
«...ПРО ДЕНЬ БОРОДИНА»**

**THE SEMANTICS OF BORODINO SPACE
IN THE O.F. BERGHOLZ'S ESSAY
«...ABOUT BORODIN'S DAY»**

В работе проанализирован очерк О.Ф. Берггольц «...Про день Бородин», написанный к 150-летию исторического сражения. Автор статьи показывает, что бородинское пространство является для Берггольц важнейшим топосом России и местом осознания своей национальной идентичности. Бородинское поле моделируется в художественной картине мира поэтессы как пространство отечественной истории и русской словесности.

The article analyzes O.F. Bergholz's essay «...About Borodin's day» («...Pro den' Borodina»), written for the 150th anniversary of the historical battle. The author of the article shows that Borodino for Bergholz was the most important topos of Russia and a place of recognition of its national identity. Borodino field is modeled in the artistic picture of the world of the poetess as an expanse of Russian history and Russian literature.

Ключевые слова: О.Ф. Берггольц, Бородинское поле, сражение, память, пространство, история, литература.

Keywords: Olga Bergholz, Borodino field, battle, memory, space, history, literature.

Ленинградская поэтесса Ольга Федоровна Берггольц (1910–1975) побывала на Бородинском поле летом 1962 г., в канун празднования 150-летия исторического сражения. В это время слава блокадной музыки была уже всероссийской. «Жестокий расцвет» ее таланта

начался с поэмы «Февральский дневник» (1942), ходившей в списках в осажденном Ленинграде еще до ее опубликования, а голос Берггольц, звучавший по ленинградскому радио в блокадные дни, и ее передачи, отличавшиеся естественной задушевностью интонации, были для жителей города, не имевших сил выйти из дома, порой единственной связью с миром. Слова Берггольц «Никто не забыт, и ничто не забыто», высеченные на стеле Пискаревского кладбища, вошли в общественное сознание народа. Они и сейчас присутствуют в медиадискурсе, но об авторстве их помнят далеко не все, отчасти потому, что сама Ольга Федоровна просила оставить надпись «Здесь лежат ленинградцы...», включающую известное изречение, без подписи¹.

Итак, после посещения Бородинского поля Берггольц написала очерк «...Про день Бородина», который был опубликован 15 сентября 1962 г. в «Литературной газете» в рубрике «Заметки писателя»². В названии очерка были использованы последние слова из лермонтовской строки, знакомой каждому соотечественнику еще со школьной скамьи: «Недаром помнит вся Россия / Про день Бородина!». Так, уже в номинации статьи Берггольц сделала отсылку не только к важнейшему событию русской истории – Бородинской битве, но и к знаковому тексту русской литературы – стихотворению М. Ю. Лермонтова «Бородино» (1837). При этом важно отметить, что понятийным ядром лермонтовской строки и упомянутого нами высказывания Берггольц является концепт памяти:

Не даром помнит вся Россия / Про день Бородина!

Никто не забыт и ничто не забыто.

Свой очерк Берггольц начинает риторическим восклицанием: «О Бородино, Бородино!», которое вариативно повторяется в тексте несколько раз: «О Бородинское поле!», «О, небо русской славы! Поле русской славы – Бородинское поле!»³. По интонационному зачину и повторам, находящимся, как правило, в сильной позиции – в начале строки, данные восклицания вызывают аллюзию к еще одному литературному памятнику – «Слову о полку Игореве», к возгласу «О Русская земля! Уже ты за холмом!»⁴ (После чего начинается дру-

гая битва – с половцами, в которой гибнет Игорева дружина). Стилистическая фигура, которую выбрала Берггольц для усиления экспрессивности, также интертекстуального свойства, хотя связь эта, пожалуй, неявного характера.

Ольга Федоровна оказалась на Бородинском поле, имея за плечами военный и блокадный опыт; ей было в то время 52 года. Этот факт существенно подчеркнуть, поскольку она начинает очерк следующим посылом: «Кто из русских людей, достигших полного зрелого возраста, не мечтал постоять посреди твоего поля?! Потому что, кажется мне, душа, вдруг увидевшая тебя, в молодости – до всего в тебе не дойдет, не постигнет, а в старости – многое потеряет. В зрелом возрасте нужно стоять посреди тебя, поле Бородина, и оглядывать тебя вокруг, насколько хватит ока. Я счастлива, что именно сейчас увидела тебя и испытала все, что могла тебе дать сама, и приняла все, что ты смогло дать мне»⁵. В первом же абзаце поэтесса позиционирует себя не в образе экскурсанта-посетителя, а заявляет о некоем взаимодействии с Бородинским полем, которое не только воздействует на зрелую личность, но само обогащается тем опытом и энергией, которую человек с возрастом накопил в себе. Иными словами, она ощущает себя не инородным телом в бородинском пространстве, а его духовной составляющей.

«Что-то пришло, – пишет поэтесса далее, – и тихо и неотступно остановилось рядом со мною. Я знаю, что это такое: это жизнь моя, наша, это недавняя Великая Отечественная война, гудевшая на этом же поле, и я была участницей ее, болью и надеждой ее, твоим рядовым солдатом, о Бородинское поле!»⁶ Благодаря способности писать, нарушая временную последовательность, Берггольц удается передать мироощущение «опространствливания времени и памяти» (понятие французского критика Рамона Фернандеса)⁷, когда события прошлого и настоящего воспринимаются в сознании писателя синхронно, чему способствует само место – арена былых сражений. При этом Бородино представлено в очерке Берггольц вполне реальным географическим пространством в пейзажной зарисовке. Автор пишет: «Бородинское поле, Бородинское поле... Кажется, нет в тебе

ничего поражающего очей – есть большее: есть то, что поражает самую душу, – необозримое, тихое, чисто русское пространство с небольшими холмами и возвышенностями в зеленой траве, в крестьянских огородах, в небурных ручьях, в кустарниках, окруженное зубчатыми, синими издали полосами лесов, уже подхваченных скромным багрецом и тихой бронзой вблизи»⁸. Лексемы «тихое пространство», «тихая бронза», «скромный багрец», «небурные ручьи» говорят о типично русском, своем, узнаваемом, левитановском пейзаже, прелестном в своей скромности.

Однако в почти идиллическую пейзажную картину Берггольц привносит тревожную ноту довольно пространным описанием бородинского неба. «И небо, – пишет она, – чудовищно огромное, в тот день полное свирепыми ливневыми тучами, мешающимися с жемчужными облаками. Но за тучами и за облаками было солнце, которое прорывалось вдруг и озаряло Бородинскую равнину, влажную от дождя, озаряло ослепительным светом, а потом вновь исчезало за тучами, и поле мгновенно погружалось в странный сумеречный свет, и только сурово-прямые лучи, не освещавшие землю, вырывались из бурого неба и прямыми столбами опирались в землю и ее травы, и вновь ветер сгонял свирепые тучи, и вновь солнце на несколько мгновений дивно озаряло бородинское пространство. Земля не знала, чем она была, буря или сияние владычило над нею»⁹.

Обратим внимание, что лексемы «чудовищно огромное», «бурое небо», «свирепые тучи», «сурово-прямые лучи», принадлежащие скорее словарю, пригодному для описания битвы, переводят локус Бородинского поля в символический образ, в пространство русской истории, в котором победы и поражения сменяли друг друга. «О Бородинское поле! – пишет Берггольц. – Нет, не взор поражаешь ты: в сочетании тишины твоей, и пространства, и всей милой нашей русской природы, и мощного неба, какого нет ни в одной стране, поражает и окрыляет душу дыхание добра и бесстрашия, вечно живая русская сила»¹⁰. Вот то главное, что ощущает поэтесса на поле Бородина, – русскую силу, силу непобедимого народа. Ибо именно здесь было морально разбито войско Наполеона в 1812 г.

В своем очерке Ольга Берггольц ведет диалог с бессмертным текстом русской литературы, с романом Толстого «Война и мир», и вводит в пространство Бородина автора произведения и его героев. «...За остатками Багратионовых флешей, – пишет поэтесса, – стоит небольшое здание из красного кирпича: это бывшая монастырская гостиница, и ничем бы она не была примечательна, если бы не знать, что здесь несколько дней жил Л.Н. Толстой (тогда еще чернобородый и черноволосый, с беспощадными и пристальными глазами гения) в те дни, когда он писал “Войну и мир”, как раз главы о Бородинском сражении. Он ходил по этому полю, наверно, так же, как мы сейчас, такое же неистовое, пышное, прекрасное небо было над ним и такой же простор»¹¹. Воображаемое присутствие автора добавляет в нарисованную картину значимую пуанту: Бородинское поле является источником вдохновения для представителей российской словесности.

Берггольц продолжает расширять границы Бородина, делает его пространством великой русской литературы, населяя поле сражения персонажами «Войны и мира». «А потом по Бородинскому полю пошли, сражались и вечно остались жить на них (редутах. – *Прим. автора*) герои Льва Толстого, – пишет она. – Вот здесь, на батарее Раевского, сидел в своей белой шляпе добродушный и толстый Пьер Безухов и наблюдал бой, <...> а затем душой открыл для себя и воспринял в душу свою народ. Вот здесь был смертельно ранен Багратион, а здесь – Андрей Болконский, и здесь же, на перевязочном пункте, открылось ему счастье любви к человеку. Герои толстовской эпопеи как незримые и бессмертные памятники живут на Бородинском поле, и превыше всего он сам, Лев Толстой...»¹² В эстетической картине мира Берггольц персонажи романа неотделимы от бородинского пространства, где переплетаются прошлое и настоящее, герои реальные и вымышленные, благодаря чему возникает обобщенный образ, говоря словами поэтессы, «нечто вечно живое и непреходящее»¹³.

В своем очерке Ольга Федоровна упоминает имя историка, академика Евгения Викторовича Тарле. Его исследование под названием «Бородино», написанное еще к 140-й годовщине битвы, было

впервые опубликовано лишь через десять лет – в 1962 г. Работа ученого вышла отдельным изданием¹⁴, была включена в раздел неопубликованных статей в 12 том его собрания сочинений¹⁵, а также напечатана в сокращении в «Литературной газете» 9 августа 1962 г.¹⁶ Предполагаем, что Ольга Федоровна могла ознакомиться с очерком военного историка, скорее всего, по газетной публикации; «Литературная газета» всегда была в поле ее зрения.

Отсылая читателя к работам известного ученого, давшего в своих трудах детальное воспроизведение Бородинской битвы, Берггольц подчеркивает, что ее подход к историческому сражению отличен от научного метода Тарле: первостепенное значение для нее имеет сохранение памяти о битве 1812 года в соотношении с Великой Отечественной войной. «Ибо, как память о Севастополе и Сталинграде, память о Бородине – пишет Берггольц, – не мертвая память о далеком событии, но живая память о собственной жизни. Разве можно забыть те дни, когда в Ленинграде, который ожесточенно штурмовали бомбами и покрывали артиллерийскими снарядами фашисты, стало известно, что “они” – фашисты – уже на Бородинском поле?!»¹⁷ Для поэтессы, пережившей осаду Ленинграда, было естественным сопоставление блокадного и бородинского пространств, как важнейших национальных топосов. «Замерло сердце, – писала она, – ужаснулось близостью врага к Москве и ничем не объяснимой, инстинктивной, темной верой поверило, что уж раз здесь сто двадцать девять лет назад отстояли Россию, то уж теперь-то наверняка отстоят...»¹⁸.

Бородинское пространство, представленное в очерке, включает в себя и музей – материальное воплощение памяти о далекой битве. И здесь поэтесса вновь подчеркивает неразрывную нить поколений, сражавшихся в двух Отечественных войнах. Она упоминает о бюстах Багратиона и Барлая-де-Толли в одном ряду с бойцом Красной Армии Павлом Михайловичем Зайцевым, который первым ворвался в Бунцлау, где в свое время было похоронено сердце Михаила Илларионовича Кутузова (сержант был убит в том же бою и там же похоронен). В скромной экспозиции, разрушенной зимой 1941 г. и восстановленной после войны, Ольга Федоровна увидела музейные

экспонаты – картечь, похожую, по ее словам, на «маленькую ржавую картошку», «крохотные круглые пули», свинец, штыки, «погнувшиеся палаши и сабли»¹⁹. За этим старым, беспомощным в атомный век оружием, стоит главное оружие, которое, по Берггольц, «именуется любовью к Родине»²⁰.

Таким образом, аналитическое прочтение очерка О.Ф. Берггольц «...Про день Бородин» дает основание полагать, что бородинское пространство в рецепции поэтессы – важнейший национальный топос России. Помимо географического локуса, где проходили сражения в двух Отечественных войнах, поэтесса воспринимает Бородинское поле как место осознания своей национальной идентичности. Здесь обостренно возникает чувство Родины и приходит понимание ответственности за судьбу страны и важности сохранения памяти о былых сражениях. Бородино моделируется в художественной картине мира поэтессы как пространство отечественной истории и русской словесности. Берггольц апеллирует к культурной памяти читателя-современника, делая интертекстуальные отсылки к эталонным литературным текстам, в которых изображение Бородинского поля является неременной составляющей художественного образа России, закрепленного в национальном сознании.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Текст надписи: «Здесь лежат ленинградцы...» см.: *Берггольц О.Ф.* Собр. соч.: в 3 т. Л., 1988–1990. Т. 3. С. 9–10 (далее ссылки на собр. соч. даются с указанием тома).

² *Берггольц О.* ...Про день Бородин // Литературная газета. 1962. 15 сент. № 111. С. 2; см. также очерк в изд.: *Берггольц О.Ф.* Собр. соч. Т. 3. С. 432–439.

³ Цит. по: *Берггольц О.Ф.* Собр. соч. Т. 3. С. 432–433, 439.

⁴ Слово о полку Игореве: сб. / вступ. ст. Д.С. Лихачева и Л.А. Дмитриева; реконструкция древнерусского текста и перевод Д.С. Лихачева; сост., подгот. текстов и примеч. Л.А. Дмитриева. Л.: Сов. писатель, 1990. С. 74.

⁵ *Берггольц О.Ф.* Собр. соч. Т. 3. С. 432.

⁶ Там же.

⁷ Понятие было введено в критических эссе о М. Прусте (см.: *Fernandez Ramon.* In Search of the Self, Proust, a collection of critical essays. New York,

1962). Наблюдение Фернандеса цитирует английский исследователь Дж. Фрэнк в своей работе о пространственной форме. См.: «...воздействие мысли на мироощущение, определившее характер произведения Пруста, приводило его скорее к опростраствливаню (курсив Фернандеса) времени и памяти» (Фрэнк Дж. Пространственная форма в современной литературе // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: трактаты, статьи, эссе. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 206).

⁸ Берггольц О. Ф. Собр. соч. Т. 3. С. 433.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 433–434.

¹¹ Там же. С. 436.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 437.

¹⁴ Тарле Е. Бородино. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962.

¹⁵ Тарле Е.В. Собр. соч.: в 12 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957–1962. Т. 12. С. 406–475.

¹⁶ Тарле Е.В. Бородино // Литературная газета. 1962. 9 авг. № 94. С. 1–2.

¹⁷ Берггольц О.Ф. Собр. соч. Т. 3. С. 437.

¹⁸ Там же. С. 438.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 439.